

Ли Жун напился впервые в жизни. Хмель не сделал его буйным; он лишь замер, широко распахнутыми глазами наблюдая за тем, как Цэнь Сяо расплачивается, надевает пальто, а затем, обняв его за плечи, выводит из кабинета.

Ему казалось, что сознание всё ещё чисто. Юноша понимал, что выпил лишнего, осознавал свою внезапную навязчивость и медлительность реакций. Единственное, что он никак не мог контролировать — это равновесие.

Окружающий мир порой начинал плыть, а собственные ноги казались чужими и невесомыми. Ли Жун ступал по полу так, словно проваливался в вату, лишившись всякой опоры, а потому ему приходилось полагаться на своего спутника ещё сильнее.

Дойдя до лестницы, Староста усиленно заморгал и вцепился в поручень, наотрез отказавшись двигаться дальше. Сколько бы он ни жмурился, ступеньки, уходящие вниз, рябили перед глазами, сливаясь в сплошной поток. Казалось, стоит сделать шаг — и он непременно сорвётся.

Ли Жун поджал губы с раздосадованным видом. Он всегда по праву гордился тем, что его разум и тело работают как часы, и в этот момент впервые столкнулся с досадным бессилием.

Цэнь Сяо, недолго думая, спустился на две ступеньки ниже и, встав перед ним, легонько похлопал юношу по ноге:

— Залезай. Снесу тебя на спине.

Ли Жун опустил взгляд на его плечи и надолго замер, прежде чем до затуманенного мозга дошло, чего от него хотят. Алкоголь так и не оставил следа на его лице, но от одного предложения мужчины щёки Старосты ярко вспыхнули. Мысль о том, что он, взрослый человек, после посиделок не может спуститься сам и едет верхом на другом, казалась ему постыдной.

— Не надо! — решительно отрезал он, но при этом всё же доверчиво положил ладони на спину Цэнь Сяо.

Тот, не слушая возражений, потянул его на себя, заставляя обхватить шею, подхватил под коленями и легко выпрямился. Стоило Ли Жуну набрать немного веса, как случалась какая-нибудь беда: то работа навалится, то он просто забудет о еде, и килограммы таяли без следа. Его вес почти не менялся, оставаясь опасно малым.

Почувствовав, как земля уходит из-под ног, юноша ощутил новый приступ головокружения. Он поспешно зажмурился и уткнулся лицом в изгиб шеи мужчины, спрятав голову в воротнике его куртки — ему всё ещё было невыносимо стыдно, что кто-то может увидеть его в таком

положении.

На дворе стоял март, воздух заметно потеплел, и ночная прохлада уже не обжигала кожу. Мягкий ветерок, ласкающий лицо, приносил долгожданное облегчение.

Ли Жун вцепился пальцами в одежду Цэнь Сяо и прошептал:

— Поставь меня... я сам.

— Не спеши, — собеседник продолжал идти, чувствуя на спине родную тяжесть и согревающее дыхание.

Юноша отрешённо смотрел на темнеющий асфальт под ногами, то и дело задевая подбородком плечо спутника:

— Если не отпустишь... как ты поведёшь машину?

— Мы оба пили. Сегодня за руль никто из нас не сядет, — Цэнь Сяо повернул к нему голову.

— А, точно... — разум Ли Жуна окончательно отказался работать.

Прижавшись к широкой спине, он ощутил такой покой и уверенность, что его начало клонить в сон. Веки становились всё тяжелее. Он понимал, что должен помочь придумать, как добраться до дома, но глаза закрылись сами собой, и пальцы медленно разжались.

Мужчина, конечно, вызвал водителя, но тот, по всей видимости, застрял в вечерних пробках. Цэнь Сяо и не думал спускать ношу на землю. Юноша редко бывал таким покорным; сейчас он напоминал спящего кота, который спрятал острые когти и все свои хитрые замыслы, лишь прижимаясь тёплой щекой к плечу, ища защиты от ветра и согревая в ответ.

— Если уснёшь, простудишься, — вполголоса произнёс мужчина.

Глаза Ли Жуна горели, веки подрагивали, но разомкнуть их не хватало сил, поэтому он лишь, словно оказывая великую милость, слегка шевельнул пальцем. Хмель, стоило юноше расслабиться, окончательно взял своё.

— Сокровище, — снова позвал Цэнь Сяо, но ответа не последовало.

Воспользовавшись тем, что машина ещё не приехала, он тихо вздохнул:

— Я молчу не потому, что хочу что-то скрыть. Просто сейчас я не могу тебе рассказать.

Начальник группы Цэнь и сам выпил немало. Если бы Ли Жун сейчас стоял перед ним трезвым, он бы вмиг расшифровал всё по его лицу, но юноша пребывал в полузабытьи, не в силах отличить сон от реальности.

— Если ты так жаждешь правды, я хочу, чтобы ты узнал её, когда всё закончится. Чтобы у тебя было больше сил противостоять этому.

Наконец, запыхавшийся водитель принял ключи и подогнал машину. Цэнь Сяо осторожно ослабил хватку, собираясь усадить Ли Жуна в салон, но тот, почуяв, что надёжный мир уходит из-под рук, инстинктивно вцепился в его предплечье и прижался ещё крепче.

Мужчина с нежностью поцеловал его тыльную сторону ладони, разомкнул пальцы и бережно устроил Ли Жуна на заднем сиденье. Тот не привередничал: едва коснувшись сиденья, он свернулся калачиком, лишь слегка нахмурившись от запаха выхлопных газов. Цэнь Сяо назвал адрес, приподнял голову юноши и устроил её у себя на коленях.

Шея Ли Жуна порозовела от жара, губы были чуть приоткрыты, а дыхание — ровным и спокойным. В нём не осталось и следа от типичных повадок буйных пьяниц; он был необычайно послушным.

Когда машина затормозила у дома, Цэнь Сяо тоже почувствовал усталость — алкоголь всё же давал о себе знать. Он поднял Ли Жуна на этаж и уложил на кровать, сам уже изрядно вспотев от усилий.

Взглянув на часы, он заставил себя взбодриться. Первым делом отправил сообщение Цзянь Фу, приказав начать расследование по поводу Чжоу Хуна и тех детей, что участвовали в первой фазе клинических испытаний. Немного поколебавшись, он набрал номер Сяо Мужань.

Мать была одна в своём огромном особняке, где её часто донимало одиночество. Она только что закончила купать Незабудку; кот, переживший водную пытку, выглядел совершенно подавленным. С шерстью, взъерошенной феном, он одним прыжком взлетел на подоконник и теперь, поджав лапы и обернувшись хвостом, с меланхоличным видом взирал на ночную тьму за окном. Очевидно, он всё ещё дулся на хозяйку за внезапный стресс.

Сяо Мужань пыталась его задобрить ласковыми словами, но Незабудка лишь щурил голубые глаза и демонстративно оставлял следы лап на чисто вымытом стекле, не желая даже смотреть в её сторону.

Обычно ласковый «кото-сын» игнорировал её, зато вечно холодный и отстранённый родной сын внезапно позвонил сам. Получить звонок от Цэнь Сяо в такой час было крайне неожиданно, но она, не раздумывая ни секунды, приняла вызов.

— Алло?

— Это Цэнь Сяо.

Дыхание мужчины было тяжёлым, а в голосе угадывались хмельные нотки. Сяо Мужань на миг замялась, испытывая неловкость:

— Да...

На самом деле, номер сына давно был сохранён в её контактах под особым именем, и она прекрасно знала, кто звонит. Просто Цэнь Сяо не думал, что она способна на такие сентиментальные жесты, да и всё её обычное поведение никак не выдавало в ней мать, которая станет подписывать контакт сына в телефоне.

— Мне нужна твоя помощь, — холодно произнёс он.

Если бы была иная возможность, мужчина никогда бы не обратился к матери, но сейчас она была лучшим вариантом.

— Это... связано с тем, что вы затеяли? — осторожно спросила Тётя Сяо.

— Да, — отрезал Цэнь Сяо.

Сяо Мужань замолчала, что означало её согласие. Мужчина невольно усмехнулся, взгляд его стал ледяным. Он знал, что она не откажет. Пока речь шла о помощи делу жизни Ли Цинли и не вредила интересам семьи, женщина была бессильна сопротивляться.

— Хань Ин вернулся в страну. Я помню, ты была в хороших отношениях с его матерью. Мне нужно знать, почему он тогда уехал и как к этому относится Хань Цзян.

— Хань Ин? Ты решил взяться за Хань Цзяна? — Сяо Мужань мгновенно уловила суть.

Несмотря на привычку держаться в стороне и оберегать собственный покой, она не была глупа. Она понимала, что Цэнь Сяо пришёл в Девятый район с определённой целью. И хотя власть Девятого района огромна, над ними всё же стоит Хань Цзян. Если её сын хочет развернуть силы ведомства в полную мощь, ему неизбежно придётся убрать противника со своего пути. Но она не ожидала, что этот момент настанет так скоро. Ей стало не по себе. Это ведь сам Хань Цзян — человек, который удерживает пост начальника «Призрачного глаза» двадцать лет. Разве он может быть лёгкой добычей?

— Справишься? — прямо спросил он.

Сяо Мужань глубоко вздохнула, долго молчала и, наконец, стиснула зубы:

— Да.

Что ей оставалось делать? Выбора не было — Цэнь Сяо уже определил за неё сторону. Всю жизнь она оглядывалась назад, сомневалась и совершала поступки, о которых позже жалела. Но в этом деле она знала: раскаяния не будет. Мать даже почувствовала мимолётное облегчение от того, что может оказаться полезной.

Сын понимал, что стоит сказать что-то ещё. В конце концов, её фактически вынуждали пойти на открытый разрыв с семьёй Хань, что в корне противоречило всем её жизненным принципам. Но то ли под действием алкоголя, то ли по какой иной причине, Цэнь Сяо так и не нашёл слов утешения.

— Хорошо. Я отключаюсь.

Сяо Мужань тоже не знала, как говорить с ним, и лишь растерянно обронила:

— А, да...

Оба повесили трубки, погружённые в свои мысли. Мужчина разделся, потёр уставшие глаза и, собрав остатки сил, быстро принял душ.

Когда он, обернувшись полотенцем, вернулся в спальню, то обнаружил, что Ли Жун медленно перекачивается по кровати с боку на бок. Юноше явно было жарко, и он пытался найти хоть одно прохладное место на простынях. Идеально застеленная постель превратилась в хаос из складок. Сам Староста каким-то образом умудрился расстегнуть пуговицы на пижаме, обнажив мягкий живот.

— Ну, хотя бы на пол не скатился, — хмыкнул Цэнь Сяо. Наблюдая за тем, как тот едва не стягивает с себя одежду в хмельном беспамятстве, он забрался на кровать и одним движением сгрёб юношу в охапку, слегка сжав его узкую талию.

Ли Жун дернулся от щекотки, но, почувствовав исходящую от мужчины прохладу, тут же сам прижался разгорячённым телом к нему, стремясь впитать в себя каждую капельку этой свежести.

Впервые всё было наоборот: Цэнь Сяо был прохладным, а Ли Жун — пылающим.

«Так вот ты какой, когда выпьешь... Если бы не твой желудок, я бы спаивал тебя почаще»

Цэнь Сяо, словно обнимая маленькую печку, с чувством полного удовлетворения проспал до самого утра.

<http://bllate.org/book/15351/1505838>